С. Е. Эрлих
ИЗ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ ДЕКАБРИСТСКОГО МИФА

УДК 94(470) «18»

ББК 63.3(2)521.2

В статье показывается, как в позднесоветское время герценовская «метафора мятежа» декабристов внедрялась в общественное сознание под прикрытием ленинских высказываний о «трех поколениях»; отмечается, что усилиями фрондирующих писателей и филологов «исторические» повествования насыщались злободневными намеками и что в условиях реакции после чехословацких событий 1968 г. бунтарский миф о декабристах был дополнен мифом об их друзьях, которые тайно сочувствовали благородному делу мятежников 14 декабря. Делается вывод о том, что во многом благодаря историческим аллюзиям на площадь перед Белым домом в августе 1991-го посмели выйти десятки тысяч наших сограждан.

Ключевые слова: *декабристский миф, позднесоветский период, исторические аллюзии, протестный ритуал*

Декабристский миф сыграл важную роль в кристаллизации оппозиционных настроений советской интеллигенции 1960–1980-х гг. Во многих публикациях «толстых журналов» рубежа XX–XXI вв., собранных в выдающемся интернет-проекте «Журнальный зал» (ЖЗ), рассказывается об активизации мятежной составляющей декабристского мифа в постсталинскую эпоху.

*Метафора мятежа под прикрытием
 метафоры трех поколений*

На истоптанном «декабристском поле» толпились литераторы, которые «эзоповым языком излагали свои претензии Советской власти, почти не опасаясь, что им “за это чего-нибудь будет”»,¹ при этом сохраняя уверенность в том, что у них будет все, положенное членам Союза писателей. В журнале «Континент» отмечается: «Исторических писателей 60–80-х гг. интересовали в первую очередь аллюзии, отсюда, например, тенденциозная трактовка декабризма».²

Я. А. Гордин вспоминает о вкладе декабристского мифа в крушение советского ре-

жима: «С начала шестидесятых... декабристы были символом сопротивления... деспотической власти как таковой». «Большевицкие идеологи и цензоры» понимали, что «декабризм — это метафора» противостояния современному политическому режиму. Но авторитетное прикрытием широко растиражированных ленинских высказываний о героических предках большевиков не позволяло властям искоренить «недопустимую крамолу». Книжки о декабристах, вышедшие в сериях «Жизнь замечательных людей» и «Пламенные революционеры», играли огромную роль в формировании общественных настроений интеллигенции. Две культовые книжки интеллигенции 1960–1980-х гг. — «Чаадаев» А. А. Лебедева (1965) и «Лунин» Н. Я. Эйдемана (1970) — воспринимались современниками как «призыв к игнорированию системы, интеллектуальному бунту».³

Б. М. Витенберг затрагивает этот же сюжет истории декабристского мифа советского времени — «подковерные» столкновения интеллигентской, оппозиционной, версии мифа с официальной версией мифа декабристов как священных предков героических большевиков. По этой причине в отношении советской власти к декабризму «явно наличествовали симптомы легкой шизофрении». Партийное руководство относилось к «официально поддерживавшемуся культу декабристов с некоторым подозрением». Мифология ленинских «трех поколений» позволяла фрондирующим

¹ Амусин М. На авансцене и за кулисами истории. О творчестве Бориса Голлера // Звезда. 2004. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/3/amusi18.html> (дата обращения: 1.09.2014).

² Библиографическая служба «Континента» // Континент. 1998. № 98. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/1998/98/bsk-pr.html> (дата обращения: 1.09.2014).

Эрлих Сергей Ефимович — к.и.н., директор издательства «Нестор-История» (Санкт-Петербург; Москва)
 E-mail: ehrllich@mail.ru

³ Гордин Я. Занятия историей как оппозиционный акт // Знамья. 2001. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/4/itogi.html> (дата обращения: 1.09.2014).

авторам «протаскивать» под прикрытием официоза крамольные смыслы. Н. Я. Эйдельман был одним из тех, кто «блестяще реализовывал эти возможности».⁴

Заведующий редакцией серии «Пламенные революционеры» В. Г. Новохатко рассказывает, каким образом злободневные аллюзии («второй план», «подтекст») проходили многоступенчатую цензуру центрального партийного издательства «Политиздат». Изюминку его описания редакционно-цензурной кухни представляет свидетельство о том, что «охранители» прекрасно считывали «крамолу» авторов, «склонных к политическому фрондерству». Разложение режима в брежневские времена достигло такой степени, что «цензоры» в душе были согласны со многими «подрывными» проекциями «событий прошлого на современность». На запреты их подвигал почти исключительно страх потерять «номенклатурную» должность. Увольнение с работы — это, конечно, не «пряник», но, вместе с тем, и не сталинский «кнут» лишения свободы или даже жизни. Во многих случаях страх лишиться «кресла» пересиливался стыдом потери лица в литературном окружении. В. Г. Новохатко пишет: «Трудно сказать, что двигало нас к инакодействию. Быть может, крепнущее год от года чувство человеческого достоинства, не мирящееся с попранием человеческой личности».⁵ Т. е. даже в среде «номенклатурной» интеллигенции возникала «декабристская» готовность жертвовать своим материальным благополучием ради общественных интересов.

«Шестидесятники» разработали технологии «пробивания» текстов с неконтролируемым подтекстом. Они были направлены на снятие единоличной ответственности с идеологического «контролера». Заведующий редакцией серии «Пламенные революционеры» вспоминает, как он правдами и неправдами убеждал начальство в том, что подозритель-

ного автора «печатаем не мы одни», заручался рецензиями номенклатурных «авторитетов», соглашался удалить кое-какие пассажи в качестве доказательства того, что «работа была проведена», и т. д. Идеологические «верхи» принимали правила игры в «аллюзионные жмурки». При уверенности в том, что ответственность удалось разделить с коллегами, «таможня давала добро». В свет выходили даже произведения «подписантов» коллективных писем протеста, т. е., с официальной точки зрения, едва ли не диссидентов. Согласования требовали значительного времени и сил. В. Г. Новохатко и сегодня не может скрыть возмущения поведением некоторых фрондирующих совписов, которые становились в позу, заявляя: «Я — художник. Я так вижу», — и капризничали по поводу косметической правки.

В серии «Пламенные революционеры» декабристская тема относилась к наиболее нагруженным «неконтролируемым подтекстом». «Первое поколение» закономерно задавало тон всему проекту. Автор начинает мемуарный очерк с упоминания «нравственной доминанты», отличавшей всю серию, приводя в пример повесть Н. Я. Эйдельмана о И. И. Пущине «Большой Жанно», заканчивает — словами читателя, в которых воспроизводится афоризм, вроде бы рожденный К. Ф. Рылеевым на Сенатской площади: «Серия была глотком свободы». В центре повествования оказывается многоходовая стратегема, предпринятая ради публикации «неформатного» «Глотка свободы» Булата Окуджавы — повести о П. И. Пестеле. Среди «хитов» серии Новохатко упоминает и другую «культовую» повесть Эйдельмана — «Апостол Сергей», — а также повесть Владимира Гусева «Синие гусары» о «кованном из стали» М. С. Лунине.

Автор не без удовольствия приводит еще один «декабристский» пример того, как далеко их редакция заходила в своих подтекстовых играх с режимом. Вместо скучных «политзанятий» бойцы идеологического фронта «изобрекли такой маневр» — приняли «изучать революционное движение декабристов» под руководством Натана Эйдельмана. На лекции, переполненные аллюзиями, «ломилась» вся интеллигентная Москва. «Вот что вышло из райкомовской настойчивости...» — подытоживает В. Г. Новохатко.⁶ Вряд ли в райкоме

⁴ Витенберг Б. М. Приключения радикального либерализма в стране силовиков (Обзор книг об исторических корнях российского либерализма). Рец.: Империя и либералы. (Материалы международной конференции): сборник эссе. СПб., 2001; Российский либерализм: идеи и люди. М., 2004; Гусман Л. Ю. В тени «Колокола»: Русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение в России (1840–1860 гг.). СПб., 2004; Эрлих С. Е. История мифа: («Декабристская легенда» Герцена). СПб., 2006; Эрлих С. Е. Россия колдунов. СПб., 2006.

⁵ Новохатко В. Белые вороны Политиздата // Знамя. 2013. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/5/n8.html> (дата обращения: 1.09.2014).

⁶ Там же.

партии не догадывались о том, что фрондер из Союза писателей показывает на «политизациях» свои фирменные «кукишизмы»,⁷ но, видимо, считали, что будет спокойнее, если он станет под присмотром сообщать жареные факты истории проверенной публике, чем, не дай Бог, пойдет делать то же самое по конспиративным явкам и адресам.

Натан Эйдельман — историк и мифотворец

Авторы интернет-проекта ЖЗ отмечают выдающуюся роль исторического писателя Натана Яковлевича Эйдельмана в деле «аллюзионной» пропаганды вольнолюбивых идей декабристов и Герцена.

Известный историк литературы и литературный критик Андрей Семенович Немзер написал рецензию на постперестроечный сборник работ Эйдельмана. Для характеристики специфики «оппозиционной» пропаганды в условиях свирепой главлитовской цензуры рецензент приводит тезис из мемуарной статьи М. О. Чудаковой о своем рано ушедшем коллеге: «Интенсивно формировался новый для советской печати эзопов язык. Под царской властью подразумевалась — и автором, и читателем — советская».⁸ Автор рецензии не отрицает «издержек аллюзионного мышления», отмечая также «автобиографический импульс» сочувствия Эйдельмана к «подследственным декабристам». Кроме того, полагает А. С. Немзер, на построения историка в значительной мере влияли пропагандистские «антимифы» революционных предшественников: «Так, антипатия к Николаю I, разумеется, заданная мощной традицией (Герцен, Толстой), мешала увидеть в этом императоре фигуру масштабную и поистине трагическую». При этом Немзер считает, что историк во многом преодолевал «эзопово» отождествление эпох «вниманием к конкретике судеб, идей, событий».⁹ Действительно, если бы в работах Эйдельмана присутствовали одни странные сближения («аллюзионно-публицистические акценты», «мягкая» ориентация

«на житийную традицию»¹⁰) и не было бы большого фактического, в том числе и архивного, материала, а также небанального анализа собранной исторической информации, он бы никогда не приобрел своей фантастической популярности и тем более не продолжал бы оставаться и в наши дни одним из самых читаемых писателей-историков.

Натан Яковлевич не был прямолинейным мифотворцем. Более того, он был одним из первых, от кого исходили демифологизирующие интерпретации герценовского наследия. Одним из проявлений такого двойственного «научно-мифологического» подхода может считаться «Диалог В. Э. Вацура и Н. Я. Эйдельмана на вечере, посвященном 125-летию выхода в свет “Полярной звезды” Герцена и 155-летию “Полярной звезды” А. Бестужева и К. Рылеева. Дом-музей А. И. Герцена, 3 декабря 1980 года». Несмотря на благоприятный повод, герценовская мифология представлена в «Диалоге...» незначительными фрагментами. Н. Я. Эйдельман упоминает «декабристов-героев». В. Э. Вацуро называет «Полярную звезду» Бестужева и Рылеева «декабристской», хотя перечисляемый в «Диалоге» состав авторов этого альманаха — одного из первых успешных коммерческих проектов русской словесности — свидетельствует о том, что ничего революционного в произведениях большинства из них просто быть не могло. Приведенные клише — это составная часть не столько оппозиционного декабристского мифа интеллигенции, сколько «идейно выдержанной» просоветской мифологии «трех поколений». Благодаря этой публикации выясняется, сколь густо устная речь «оппозиционера» Эйдельмана была пересыпана советскими штампами «руководитель правого крыла Союза благоденствия», «примирительно-мистические настроения», «люди, которые продались самодержавию».

Вместо пропаганды декабристского мифа, присущей, правда, в разной степени многим публикациям двух ярких представителей позднесоветской гуманитарной фронды (В. Э. Вацуро отличался большим академизмом), в «Диалоге» преобладает, условно говоря, «позитивистский» фактический подход.

⁷ Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 22, 23.

⁸ Чудакова М. Натан Эйдельман, историк России // Знание — сила. 1990. № 12. URL: http://www.znanie-sila.ru/people/issue_72.html (дата обращения: 1.09.2014).

⁹ Немзер А. Воспитание исторического чувства. Рец.: Эйдельман Н. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993 // Новый мир. 1995. № 1. URL: http://magazines.russ.ru:8080/novyi_mi/1995/1/nemz_br.html (дата обращения: 1.09.2014).

¹⁰ Немзер А. История продолжается... Десять лет назад умер Натан Эйдельман, два месяца назад — Андрей Тартаковский // Литературные хроники. (Тексты для газеты «Время МН» и другие). 1999. 29 нояб. URL: http://magazines.russ.ru:81/novyi_mi/redkol/nemzer/nov.html (дата обращения: 1.09.2014).

Вместе с тем Н. Я. Эйдельман осторожно формулирует тезис о специфике взглядов Герцена на декабристов, для которого «это уже люди, овеянные легендой». Кроме того, публикациями «Полярной звезды» Герцена, по мнению Эйдельмана, было положено начало другой легендарной теме русской культуры — «Пушкин и декабристы».¹¹ Чем можно объяснить демонстративную академичность и завуалированный «антимифологизм» популярной лекции? Вполне возможно, что отход от принятой в серии «Пламенные революционеры» риторики «фиги в кармане», когда за историей декабристов и Герцена искусственному читателю открывалось второе дно актуальных намеков, был вызван присутствием среди слушателей искусствоведов в штатском или опасением двух легальных антимарксистов, что таковые могут присутствовать.

Публикация дневников Н. Я. Эйдельмана свидетельствует о том, что и наедине с собой один из ведущих пропагандистов интеллигентского декабристского мифа не испытывал особых мифологических иллюзий. Более того, историка, умудренного печальным знанием следственных дел декабристов, поражала безусловная вера современников в «святых рыцарей, кованных из чистой стали». По итогам одного из таких разговоров в дневнике была сделана запись о том, что декабристы, за исключением нежно любимого Лунина, так легко «раскалывались» на следствии по причине отсутствия «веры, твердого устоя, уверенности» (20 октября 1966 г.). После просмотра в одном из театров декабристского Иркутска декабристской пьесы В. Н. Коростылева «Через сто лет в березовой роще» Эйдельман с некоторым удивлением фиксирует авторский замысел: «Идея — что документы врут (вставка с документами), — ибо иначе не объяснишь их (декабристов) слабость», т. е. откровенность со следователями и покаянные письма верховному следователю Николаю Павловичу (10–14 сентября 1968 г.). Не без иронии автор дневника записывает, как один из собеседников «горячился по поводу того, что все общество скорбело о декабристах и не могло верить Николаю» (15 февраля 1972 г.). О том, что Натан Яковлевич не был расчетливым циником, свидетельствует запись о по-

ездке по маршруту восставшего Черниговского полка: «Дух декабристов — Мотовиловка [нрб.], где-то Устиновка, Белая Церковь, куда все увезены» (2 мая 1975 г.).¹² «Дух декабристов», несомненно, побеждал минутный авторский скепсис в отношении герценовских героев-мучеников!

Я. А. Гордин так объясняет двойственное отношение к декабристам своего доброго приятеля: Н. Я. Эйдельман не мог безоговорочно верить в герценовский миф, поскольку «был решительным и принципиальным противником революционного насилия в любых его формах. Но опыт декабристов, который он широко пропагандировал, был важен для него как опыт психологической несовместимости порядочного человека с деспотизмом, как опыт самопожертвования ради братьев меньших, как опыт неистребимого нравственного протеста».¹³

Трудно согласиться с тем, что причиной колебания между мифом и историей было исключительно отвращение либерально настроенного «шестидесятника» к творческой страсти революционного разрушения. Несомненно, сказала и профессия Эйдельмана, требующая взирать на мир без гнева и пристрастия. В пользу этого предположения свидетельствует «мифоисторическая» двойственность других известных ученых-гуманитариев советской эпохи, в частности легендарного хранителя Эрмитажа В. М. Глинки¹⁴ и знаменитой активистки правозащитного движения Р. Д. Орловой.¹⁵

*Интеллигенция между метафорой
мятежа и мифом о тайной свободе
«честного профессионала»*

Филолог, историк культуры М. Л. Майофис в начале 2000-х гг. осмысливает двойственное отношение советской интеллигенции к змеборчеству герценовских богатырей с двух точек зрения. По мнению исследователя,

¹¹ Вацура В. Э., Эйдельман Н. Я. «Полярная звезда» декабристов — «Полярная звезда» Герцена // Новое литературное обозрение. 2000. № 42. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/42/dialog-pr.html> (дата обращения: 1.09.2014).

¹² Эйдельман Н. Из дневников. Вступительная заметка, публикация и комментарии Юлии Эйдельман // Знамя. 1999. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/1/eidel-pr.html> (дата обращения: 1.09.2014).

¹³ Гордин Я. Указ. соч.

¹⁴ См.: Щеглова Е. Хранитель совести. Рец.: Глинка В. Хранитель. Статьи. Письма. Проза. СПб.: Арс, 2003. Глинка В. Воспоминания. Архивы. Письма. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. // Континент. 2008. № 135. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/continent/2008/135/sh15.html> (дата обращения: 1.09.2014).

¹⁵ См.: Орлова Р. Последний год жизни Герцена // Вестник Европы. 2004. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/11/orl31.html> (дата обращения: 1.09.2014).

пропаганда подрывного мифа, предпринятая фрондирующими «шестидесятниками», могла гармонично совмещаться с выдающейся исследовательской работой. Данный тезис доказывается на примере книги В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсона «Сквозь умственные плотины» (1972), повествующей «об исторически синонимичной 1970-м эпохе, последовавшей за политической катастрофой 14 декабря». М. Майофис отмечает: «Вацуро и Гиллельсон осмелились вложить в свою историческую реконструкцию, оснащенную богатым источниковедческим аппаратом и первыми публикациями сенсационных текстов, актуальное и совершенно прозрачное послание к своим современникам».¹⁶

Кроме проблемы сочетания мифа с историей, М. Л. Майофис поднимает другую важную тему мировоззренческого «двойничества». Она обращает внимание на то, что книга, наполненная актуальными историческими сближениями, посвящена не бунтарям-декабристам, а взаимоотношениям их менее буйных собратьев с николаевской цензурой. Такая смена аллюзионных ориентиров в направлении «декабристов без декабря» не была прихотью авторов.

Вторжение в 1968 г. советских войск в Чехословакию стало рубежом не только в истории нашей страны, но и в истории декабристского мифа. Свободное слово Герцена стало побуждением восьми граждан — Константина Бабицкого, Татьяны Баевой, Ларисы Богораз, Натальи Горбаневской, Вадима Делоне, Владимира Дремлюги, Павла Литвинова, Виктора Файнберга — к делу свободы. 25 августа 1968 г. они вышли на Красную площадь с лозунгом польских бунтарей «За вашу и нашу свободу!», пришедшим в Россию благодаря трезвону герценовского журнала «Kolokol».¹⁷ Миф о самопожертвовании воплотился в жертвенном ритуале. Нравственная победа «декабристов» Красной площади осталась уделом героических одиночек. В результате политики закручивания гаек, интеллигенция утратила иллюзии скорого падения «коммунистического самодержавия» в ходе бархатной революции, нацеленной на построение социализма

с человеческим лицом. В атмосфере «застоя» произошла «диверсификация» исторических аллюзий. «Диссиденты, робко сходящиеся на Сенатскую площадь, дабы, помянув декабристов, уподобиться им»,¹⁸ остаются в мифологическом меньшинстве. Герценовский идеологический таран, ориентированный на «диссидентскую» установку «прямого политического противостояния», не мог моделировать поведение робкого интеллигентского большинства. Лишь самые отчаянные из недиссидентов продолжают ориентироваться на декабристскую модель, но при этом акцент переносится с героического стояния декабристов у Медного всадника на их стоическое поведение после поражения восстания.

Трагическое мироощущение декабриста после 14 декабря, с «гордым терпением» ожидающего, когда «оковы тяжкие падут», было невыносимо в повседневной жизни советской интеллигенции 1970-х гг. Срочно требовались приемлемые образцы достойного существования во времени, подлея которого, как казалось тогда, не было. Битая советская интеллигенция переносит свои исторические чаяния с тех, кто на Сенатскую площадь вышел, на тех, кто после этого рокового выхода всей душой сочувствовал «узникам сибирских руд».

В ситуации, когда власть жестоко подавила микромятеж 25 августа 1968 г. на Красной площади, книга Гиллельсона и Вацуро оказалась, используя выражение вождя пролетариата по поводу романа пролетарского писателя, «очень своевременной». Она предназначалась в первую очередь для «не ставших декабристами/диссидентами». В ней на примерах «декабристов без декабря» пропагандировалось «внутреннее несогласие с происходящим в сфере политики и официальной культуры и сочетавшееся с ним стремление честно и профессионально действовать на избранном поприще».

Исторический опыт «внутреннего несогласия» формулировался либеральными властителями дум в виде стратегий «этически последовательного ответственного поведения». Первый пункт «программы поведения “честного человека” в условиях длительного политического и идеологического “похолодания”» предписывал считать помощь безумно храбрым

¹⁶ Майофис М. «Открытая филология» В. Э. Вацуро // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2003/59/maiiof.html> (дата обращения: 1.09.2014).

¹⁷ См.: Герцен А. И. Prolegomena // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 20. М., 1960. С. 52. Впервые опубликовано в: Kolokol. 1868. № 1. См.: Т. 20, кн. 2. С. 740.

¹⁸ Добрович А. Рец.: Игнатова Е. Обернувшись. СПб.: Геликон плюс, 2009 // Иерусалимский журнал. 2009. № 32. URL: <http://magazines.russ.ru/ier/2009/32/mi20.html> (дата обращения: 1.09.2014).

диссидентам святой обязанностью осторожных интеллигентов «так, как делали это Пушкин, Вяземский, Дельвиг и многие другие по отношению к друзьям-декабристам и их литературному наследию».

Вторым пунктом «кодекса строителя антикоммунизма», не решившегося пойти по пути там- и самиздата, было усвоение курса истории эзопова языка в России. М. Майофис пишет: «Вацуро преподавал читателям высокое искусство — откровенно выражая свое мнение, не дать властям ни малейшего повода усомниться в лояльности пишущего». Честный профессионал учил соблюдению меры откровенности. С этой точки зрения исключительно «междустрочное послание не засчитывалось в качестве оппозиционного акта «честного человека», поскольку «нигде и никогда не существовало читателя, который читал бы только между строк. ... Нигде и никогда уважающий себя писатель не изменял в угоду цензуре смысла того, что он пишет».¹⁹

Мера откровенности была непосредственно связана с мерой цензурных уступок. Установление неочевидной «последней черты», переход которой означал бы соглашательство, воспитывало в интеллигентах мученическую жертвенность. Майофис отмечает: «Нужно всегда быть готовым смириться с запрещением и заменой самых, казалось бы, невинных слов, строк и строф, приносить в жертву целые произведения, замыслы сборников и периодических изданий». Жертвенное непоступление своими принципами не только позволяло избежать разрушения самоидентичности. Оно было действенным наступательным оружием, поскольку вносило, как мы уже убедились на примере выше приведенных свидетельств В. Г. Новохатко, «когнитивный диссонанс» в сознание многочисленных цензоров советского публикационного процесса. Их раздвоение между запретами охранительной власти и внутренне свободным общественным мнением разрушало «умственные плотины» и постепенно приводило к «ощутимым подспудным переменам в общественном сознании и интеллектуальной атмосфере», оказывало «самое непосредственное влияние на государство и его аппарат».²⁰

И все же упор «шестидесятниками» делался не на технологии, а на этическое оправда-

ние рабьего языка. Излюбленные «пушкинско-вяземские» афоризмы острого галльского смысла о неприличии для честного человека либо быть повешенным за народное дело, «как Рылеев», либо сесть в Бастилию за неумение сказать все в стране, где нельзя ничего говорить, представляли «честному человеку» моральное оправдание стратегии «внутреннего несогласия». Устами тайно свободных классиков фрондирующие советские ученые отвечали «носителям оппозиционных настроений», продолжавшим «сохранять внешнюю лояльность», на их сокровенные вопросы: «кому и чему на самом деле мы служим, честно и ответственно выполняя свою работу? в чем заключается здесь наша миссия?» Ответ был прост: «Оставаясь честными профессионалами, мы служим великой русской культуре и просвещению неграмотных народа и власти». Отказываясь формально быть «заодно с правопорядком», честный профессионал, напротив, проявлял, по мнению представитель академической «фронды», «граждански и этически безответственную позицию».

Парадоксальный «релятивизм» подобной «гражданской и этической» позиции не вызывает у нас сомнений. Но в условиях, мягко скажем, несмелого корпоративного поведения честных профессионалов науки наших дней было бы аморальным осуждать «шестидесятников», воспитанных в сталинскую «невегетарианскую» эпоху.

Появление «облегченных» мифологических образцов внутреннего сопротивления ни в коей мере не умаляло потребности в героическом мифе о декабристах, которые, «несмотря на поражение... одержали нравственную победу над царизмом». Образец «нравственной победы» был не только руководством к действию для горстки диссидентов, смевших выйти в 1968 г. на Красную площадь. Герценовский миф оставался тем генератором, который придавал энергию «теории малых дел» по сохранению великой культуры. Без недостижимой для большинства интеллигентов моральной планки декабристов-воинов «внутреннее сопротивление» честных профессионалов выродилось бы в элементарный коллаборационизм. Благодаря заоблачной морали мифа, соучастие в «преступлениях режима» большинства интеллигентов брежневской эпохи ограничивалось пусть очень индивидуальной и даже резиновой «последней чертой». Заступая за нее на практике,

¹⁹ Майофис М. Указ. соч.

²⁰ Там же.

интеллигент внутренне сопротивлялся своей уступчивости. Часто это «внутреннее сопротивление» совпадало с определением Евгения Шварца: «Порядочный человек — это тот, кто делает подлость без особенного удовольствия». Но без молчаливого упрека «комиссаров в пыльных богатырских шлемах», за которыми маячили чудо-богатыри герценовского мифа, число «шестидесятников» получающих удовольствие от подлости, и, следовательно, ее количество в брежневскую эпоху если бы не преумножилось, то, несомненно, увеличилось. Поэтому М. Л. Майофис считает создание книги вредных советов о подцензурных способах подрыва «умственных плотин» «настоящим актом гражданской смелости».²¹

Ритуал подрывного мифа

Воспоминания Е. А. Игнатовой, опубликованной в 2008 г., свидетельствуют о том, что даты 14 декабря и 13 июля входили в состав «великих праздников» «контркультурной» части позднесоветской интеллигенции, во время которых миф воплощался в мятежном ритуале. Мемуарист — автор самиздата, участница питерской «второй культуры» 1970–1980-х гг. она принадлежала к околодиссидентской среде, представители которой не побоялись в прямом смысле слова выйти на Сенатскую площадь 14 декабря 1975 г. Она вспоминает, что яркому ритуальному «перформансу» молодых поэтов и художников предшествовал ее персональный ритуал «декабристской инициации» в декорациях казни, сохранившихся на месте съемок «культового» фильма «Звезда пленительного счастья», рядом с Петропавловской крепостью: «13 июля, в годовщину казни декабристов, я... долго стояла там, предаваясь печальным мыслям». Такое эмоциональное слияние представителя «поколения дворников и сторожей» с «первым поколением» свидетельствует о том, как глубоко проникал оппозиционный миф в сознание интеллигенции.

Известно, что миф привязан не столько к историческому месту, сколько к циклам времени. Приобщаясь всей душой к дворянско-мятежникам, Е. Игнатова прекрасно осознавала, что «декабристов казнили не здесь», т. е. не прямо под стенами Петропавловки, где проходили съемки сцены казни. Но это историческое несоответствие легко преодо-

левалось логикой мифа. Истинно верующему в Христа достаточно лицезреть сквозь мерцание свечей символ Распятия, чтобы в Страстную пятницу эмоционально взойти со Спасителем на Голгофу. Так и искренне веровавшему в декабристов советскому интеллигенту достаточно было в «годовщину казни» видеть «обрывки веревок на перекладине и доски помоста в яме», чтобы эти символы декабристского «распятия» «невольнo действовали на воображение». Е. А. Игнатова вспоминает, что старалась «не глядеть на бурую краску на саванах», оставленных на месте после съемок фильма. Т. е., с одной стороны, она отдавала себе отчет в том, что это — бутафория, но с другой — воображение мифа претворяло краску в кровь коллективного Христа русской интеллигенции.

В случае Е. А. Игнатовой декабристская «пасха» 13 июля «стала своего рода прологом» мятежного «рождества» 14 декабря, когда «против одиннадцати “демонстрантов” были выдвинуты полторы тысячи милиционеров, курсантов и сотрудников КГБ». То ли для человека православной культуры крестные муки Спасителя более значимы, чем его же пришествие в мир под знаком вифлеемской звезды, то ли сказался испуг, как признается мемуарист, «плохого солдата» диссидентского «непротivления злу насилieм», но описание «демонстрации протеста в Ленинграде», о которой тут же передали западные «голоса», лишено ярких мифологических черт. Оно носит преимущественно хроникальный характер.

Благодаря этому можно отметить важную историческую параллель. Выясняется, что поэт Виктор Кривулин не предупредил большинство рядовых участников о том, что готовится не безобидная встреча приятелей «в 12 часов... у Медного всадника», а настоящая «демонстрация» не только с извещением западных дипломатов и журналистов, но и с официальным уведомлением властей. Но ведь и декабристы также выводили солдат на площадь, не сообщая истинной цели возмущения, причем историческое сравнение в данном случае не в пользу потомков «первого поколения». У декабристов были основания для применения лживых средств, которые заключались в невозможности объяснить солдатам, чем для них конституционное правление будет лучше самодержавного. У организаторов же «демонстрации протеста в Ленинграде» таких отговорок не было. Но ради массовости

²¹ Майофис М. Указ. соч.

они пошли на недоговоренности в отношении «статистов».²²

Профилактическая реакция властей на демонстрацию 14 декабря 1975 г. была «в духе высокого жанра петербургских фантазмагорий». Много лет подряд в один и тот же знаменательный день — 14 декабря — в здании Центрального государственного исторического архива СССР, выходявшего окнами на Медного всадника, «появлялись легко распознаваемые по повадке “искусствоведы в штатском” и с удобствами устраивались у окон зала на втором этаже Сената, откуда открывался роскошный вид на площадь Декабристов. Видимо, на всякий случай, если вдруг, паче чаяния, на площадь выйдут новые мятежники».²³

Писатель Алексей Михеев в рассказе, где действие разворачивается в перестроечную пору, приводит свидетельство символической связи декабристов, диссидентов и энтузиастов антикоммунистической революции под руководством члена ЦК КПСС. Связь поколений воплощается в ритуальном выходе героя рассказа к Медному всаднику в священный день 14 декабря. Автор так описывает эту сцену: «Четырнадцатого декабря... в семь часов вечера Яша стоял у памятника Петру. В 1825-м на Сенатской площади выстроилось офицерское каре, через полторы сотни лет охотившиеся на новых декабристов-диссидентов милицейские патрули прятались в разросшихся кустах, а теперь, еще через полтора десятка лет, постамент памятника был покрыт воском оплывших свечей».²⁴ Этот воск, которым 14 декабря 1990 г. был покрыт постамент памятника основателю города трех революций, свидетельствовал о том, что тайное поклонение советской интеллигенции «святым мятежникам» на закате горбачевской перестройки воплотилось в массовом протестном ритуале.

Сенатская площадь в августе 1991

Декабристская метафора на протяжении последних советских десятилетий содействовала аккумулярованию в сознании интелли-

генции взрывчатого запаса ненависти к режиму коммунистического Змея-Горыныча. Количество перешло в качество в результате государственного мятежа 19 августа 1991 г., направленного на сохранение коммунистического «самодержавия». «Красные» сторонники путчистов назовут их «декабристами» в ленинском смысле генеалогии советского режима. Их «демократические» оппоненты в этом столкновении будут руководствоваться мятежными герценовскими ассоциациями. Мятеж «консервативных декабристов» Янаева против «легитимных» революционно-перестроечных «декабристов» Ельцина получил символическое воплощение в городе трех революций.

Писатель Валерий Попов свидетельствует о том, что в те судьбоносные дни вдохновлялся декабристскими ассоциациями в сочетании с вольнолюбивой лирикой лучшего друга декабристов: «А потом, когда мы, почти как декабристы, в дни ГКЧП вышли к Мариинскому дворцу, и было страшно, я бормотал: “Есть упоение в бою!” А чуть позже, когда напряжение спало и пришла усталость, вдохновлял себя: “И на обломках самовластья напишут наши имена!”»²⁵

По воспоминаниям писательницы Нины Катерли, в ночь с 19-го на 20-е августа она узнала о том, что «многие мои товарищи сейчас на Сенатской площади — строят баррикады».²⁶ Трудно установить, насколько продуманным было решение строить баррикады на широкой площади. Проще все-таки перекрывать артерии улиц. Но смысл «подпитки» защитников демократии энергией декабристского мифа, несомненно, в этом мероприятии и в объявлениях о нем в СМИ присутствовал. В пользу этого, в частности, свидетельствует используемое мемуаристом «историческое» название площади мятежа 14 декабря, запечатленное в коллективной памяти десятилетиями советской пропаганды мифа о «первом поколении».

Мы видим, что в позднесоветское время герценовская «метафора мятежа» внедрялась в общественное сознание под прикрытием ленинских «трех поколений». Усилиями

²² Игнатова Е. Троицкое поле // Сибирские огни. 2008. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/sib/2008/1/ig9-pr.html> (дата обращения: 1.09.2014).

²³ Витенберг Б. М. Душа Архива (Лирические заметки) // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2005/74/vi19-pr.html> (дата обращения: 1.09.2014).

²⁴ Михеев А. «Россия» и Америка: Рассказ // Октябрь. 2011. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/october/2011/12/mi3-pr.html> (дата обращения: 1.09.2014).

²⁵ Попов В. Ты забыла свое крыло // Октябрь. 2013. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2013/6/1p.html> (дата обращения: 1.09.2014).

²⁶ Катерли Н. Вторая жизнь // Звезда. 2005. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2005/9/ka4.html> (дата обращения: 1.09.2014).

фрондирующих писателей и филологов «исторические» повествования насыщались злободневными намеками. Эти «сближения» улавливались не только интеллигентной публикой. Они воздействовали и на «охранителей» рамолитической Софьи Власьевны, постепенно разъедали кованные Сталиным «духовные скрепы» режима. Следует отметить гибкость пропагандистов общечеловеческой «конвергенции». В условиях «закручивания гаек» после подавления чехословацкой «бархатной революции» 1968 г. миф о мятежных декабристах

был дополнен новым мифом о тайно свободных друзьях декабристов. Первый — оставался практическим образцом отчаянных диссидентов и недостижимым идеалом робкой интеллигенции, старавшейся следовать «тайносвободному» мифу «честных профессионалов» народного просвещения. Многолетние усилия позднесоветских промоутеров подрывного декабристского мифа были не напрасны. Во многом благодаря их аллюзиям, на площадь перед Белым домом в августе 1991-го посмели выйти десятки тысяч наших сограждан.

Sergey E. Erlich

Candidate of Historical Sciences, publishing house “Nestor-History” (Russia, St. Petersburg; Moscow)

E-mail: ehrllich@mail.ru

FROM THE LATE SOVIET HISTORY OF THE DECEMBRIST MYTH

The article shows how during the late Soviet period the Herzen's “rebellion metaphor” of the Decembrists was impressed into the public mind under the cover of Lenin's ideas of “three generations”; it is noted that through the efforts of certain nonconformist authors and philologists the “historical” narratives were filled with the topical hints, and that under the conditions of reaction to the Czechoslovak events of 1968 the rebellious myth of the Decembrists was complemented with a myth about their friends, who secretly sympathized with the noble cause of the 14 December rebels. The author drew a conclusion that it was to a large extent owing to these historical allusions that dozens of thousands of our compatriots dared to come to the square in front of the White House in August 1991.

Key words: *myth of the Decembrists, the end of Soviet era, historical allusions, protest rituals*

REFERENCES

- Amusin M. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/3/amus18.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Bibliograficheskaya sluzhba «Kontinenta»* [Bibliographic service “Continent”]. Available at: <http://magazines.russ.ru/continent/1998/98/bsk-pr.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Chudakova M. Available at: http://www.znanie-sila.ru/people/issue_72.html (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Dobrovich A. Available at: <http://magazines.russ.ru/ier/2009/32/mi20.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Erlich S. E. *Istoriya mifa: («Dekabristskaya legenda» Gertsena)* [History of Myth (“Decembrist legend” Herzen)]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2006, 268 p. (in Russ.).
- Erlich S. E. *Rossiya koldunov* [Russian wizards]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2006, 292 p. (in Russ.).
- Eydelman N. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/1/eidel-pr.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Eydelman N. Ya. *«Revoljutsiya sverkhu» v Rossii* [The “revolution from above” in Russian]. Moscow: Kniga Publ., 1989, 176 p. (in Russ.).
- Gertsen A. I. *Prolegomena. Sobranie sochineniy* [Prolegomena. Collected Works]. Moscow: AN SSSR Publ., 1960, Vol. 20, p. 52. (in Russ.).
- Gordin Ya. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/4/itogi.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).

- Gusman L. Yu.** *Vteni «Kolokola»: Russkaya liberalno-konstitutsionalistskaya emigratsiya i obshchestvennoe dvizhenie v Rossii (1840–1860 gg.)* [In the shadow of “Bells”: Russian liberal constitutionalist emigration and social movement in Russia (1840–1860)]. St. Petersburg: RGPU Publ., 2004, 376 p. (in Russ.).
- Ignatova E.** Available at: <http://magazines.russ.ru:8080/sib/2008/1/ig9-pr.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Katerli N.** Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2005/9/ka4.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Mayofis M.** Available at: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2003/59/maiof.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Mikheev A.** Available at: <http://magazines.russ.ru:8080/october/2011/12/mi3-pr.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Nemzer A.** Available at: http://magazines.russ.ru:8080/novyi_mi/1995/1/nemz_br.html (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Nemzer A.** Available at: http://magazines.russ.ru:81/novyi_mi/redkol/nemzer/nov.html (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Novokhatko V.** Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/5/n8.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Orlova R.** Available at: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/11/orl31.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Popov V.** Available at: <http://magazines.russ.ru/october/2013/6/1p.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Rossiyskiy liberalizm: idei i lyudi** [Russian Liberalism: ideas and people]. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ., 2004, 616 p. (in Russ.).
- Shcheglova E.** Available at: <http://magazines.russ.ru:8080/continent/2008/135/sh15.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Vatsuro V. E., Eydelman N. Ya.** Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/42/dialog-pr.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Vitenberg B. M.** Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/79/vi46.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).
- Vitenberg B. M.** Available at: <http://magazines.russ.ru:8080/nlo/2005/74/vi19-pr.html> (accessed September 1 2014). (in Russ.).